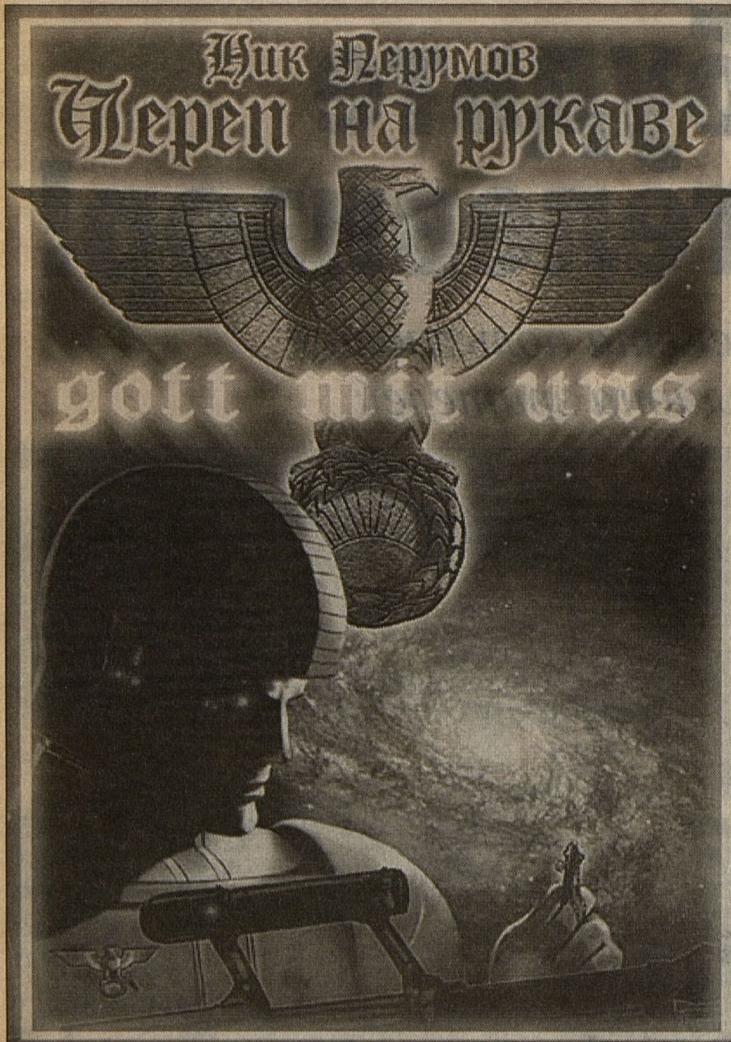

Перумов Николай

14.03.2002

Писатель Николай Перумов, отыкнув за четыре года пребывания в солнечном Далласе от погодных приключений Северной Пальмиры, простился, не успев сойти с трапа самолета. Впрочем, на вопросы журналиста "Смены" он отвечал достаточно бодро, время от времени подкрепляя силы рюмкой-другой чаю.

— Как получилось, что один из самых преуспевающих писателей-фантастов России вдруг уехал в Штаты заниматься молекулярной биологией?

— На данный вопрос возможно два ответа — один повышенный, второй приземленный. Первый гласит, что каждый исконно русский писатель должен по примеру классиков жить в Италии или, на худой конец, во Франции, где, снедаемый тоской по родине, он обязательно напишет что-нибудь типа "Мертвых душ" или "Записок охотника". И то сказать, надо же позаботиться о следующем поколении литератороведов, которые не щадят живота своего будут отыскивать импортные мотивы в творчестве того же Перумова.

Если же отвлечься от высоких материй... Каждый писатель, как и любой нормальный человек, нуждается в расширении своего жизненного опыта. Одни ради этого нанимались в бурлаки на Волге. Вторые охотились на НЛО в Сибири. Третьи отлавливали снежного человека в горах Кавказа. Сегодняшние молодые предпочитают просто путешествовать по миру. Я, к сожалению, слишком стар (мне целых 39 лет) для того, чтобы собирать апельсины в Марокко, так что... Предпочитаю быть биологом в Далласе.

А почему бы и нет, если наука дает мне возможность избавиться от меркантильных подсчетов: за сколько я могу продать этот роман? Что моя жена может купить на полученный гонорар? Возможно ли писать быстрее? Куда еще можно пристроить рукопись — в кино, театр, на телевидение?.. Типичная, между прочим, ситуация для большинства американских писателей. Вот только к литературе подобная поденщина не имеет никакого отношения. Как человек, четыре года занимавшийся писательством профессионально, я убежден — не надо превращать хобби в работу,

подменять творчество коммерцией. Лучше уж писать книги в свободное от работы время, исключительно ради удовольствия.

— Так уж повелось: как только русские писатели оказываются за границей, в их книгах появляется страна пребывания — Франция у Бунина, Германия у Зиновьева. Повлияла ли на ваше творчество современная американская действительность?

Безусловно. Пожив в Штатах, я понял одну простую вещь — сегодня, как и во времена Отто Бисмарка, люди признают только силу. Если ее нет, вы рискуете оказаться в положении прохожего, у которого выворачивает карманы малолетняя шпаны, а он стоит и не знает — то ли политкорректно их оттолкнуть, то ли замахнуться и врезать? Весьма похоже на то, как ведет себя в международном сообществе Россия.

— Какая роль отводится в нем США?

Роль пахана, который стоит и снисходительно наблюдает, как малолетние пацаны заирают взрослого мужика, чтобы, как только он попытается их отпихнуть с криком: "А, ты маленьких беешь, сволочь!" ринуться в бой. Я был потрясен, когда в глубоко провинциальной "Dallas morning news" увидел статью, посвященную героической борьбе маленько-го, но гордого чеченского народа, стенающего под кованым сапогом русских оккупантов. Наверное, это глубокое чувство национального унижения и побудило меня написать "Череп на рукаве".

— В "Черепе на рукаве" речь, насколько я помню, идет не о Космических Соединенных Штатах, а о Четвертом рейхе, восставшем из небытия.

— Я — германофил. Воскражение рейха для меня — всего лишь одно из средств расшевелить читателя. Встряхнуть начавший застать нежным плющом весенних победов замок времени, где проживает наша историческая па-

Ник ПЕРУМОВ: "В петербургских подвалах никакая нечисть не выживет"

Известный писатель представил нашим читателям новую книгу "Череп на рукаве"

мять, как сказал бы Владимир Семенович Высоцкий. Десятилетия коммунистической пропаганды выбили из поколений, пришедших в жизнь после Великой Отечественной войны, всякое уважение к этому времени, к тем, кто прошел через этот кошмар.

В центре "Черепа на рукаве" — один из самых любимых мной вопросов: моральный выбор конкретного человека, когда работает принцип наименьшего зла. Мне хотелось исследовать природу жертвенности, доказать, что смерть на миру, которая, как известно, красна, — не самый большой подвиг в жизни человека. Иногда гораздо важнее пожертвовать не жизнью, а честью, добрым именем, собственной совестью, совершив ужасные поступки, которые приведут к победе. В принципе это принцип "цель оправдывает средство", который очень долго отрицала русская литература. А теперь представьте, что вы — на войне, только не на средневековой рыцарской, а на современной, где ударить в спину спящему противнику почитается за честь. У вас есть возможность, совершив откровенную подлость, принести победу собственной стране, спасти сотни и тысячи человеческих жизней. Какой выбор вы сделаете?

— А какой выбор сделает преуспевающий биолог Николай Перумов, если в один прекрасный день к нему явится бен Ладен с предложением вынести пару пробирок с сибирской язвой, чтобы остановить зарвавшиеся Соединенные Штаты, угрожающие безопасности России?

— То, что США надо остановить ради их же собственного блага, сомнений не вызывает. Когда великий народ и сильнейшее в мире государство утрачивают чувство реальности и начинают воспринимать настоящую войну как компьютерный "Doom", ничего хорошего ждать не приходится.

Другой вопрос, что не стоит идти на поводу у товарищей типа бен Ладена, для которых ценность чужой жизни, свободы личности другого человека — не более чем пустой звук. К тому же существуют методы и методы. Остановить Штаты может только твердая сдержанная позиция государства, опирающегося на мощные вооруженные силы.

Другой вопрос, если бы пришедший ко мне бен Ладен предложил ликвидировать вполне конкретных натовских генералов, виновных в геноциде сербов, смерти невинных людей под бомбами в Белграде, планирующих все новые зачистки, которые приведут к еще большему человеческим жертвам. Боюсь, что в этом случае мне было бы очень трудно сказать ему "нет".

— Четыре года в Америке не вдохновили вас на создание романа а-ля Стивен Кинг, обличающего всю нищету духа "проспектов американцев"?

— Если честно, ни "хоггог", ни "triller", ни "mystery" я не люблю. Да и причину столь большой популярности Стивена Кинга не понимаю. В моих книгах тоже хватает всевозможных ужасов, но все они происходят "в тридевятом царстве, в тридевятом государстве", как это и принято в старом добром "fantasy". У Кинга же жуть рядом, за дверью, не исключено, что она таится в

вашем же собственном подвале, а значит... Запирайте окна! Вешайте засовы!! Не стройте дома рядом с кладбищем домашних животных!!! Мне подобный подход просто претит.

— Значит, вы отрицаете социальную фантастику как таковую. А как же ваши "Похитители душ", в которых чудовищные твари из иниомиря просачиваются в наш родной Петербург?

— Я совсем не против того, чтобы фантастические события происходили в нашей действительности. Но у того же Булгакова в "Мастере и Маргарите" Воланд и вся его свита — отнюдь не главные действующие лица произведения. Их явление "великому советскому народу" позволяет писателю как рентгеновым лучом высветить весь маразм и несуразицу московской жизни 30-х. У Кинга же именно ужас является главным действующим лицом произведения, тут уж впрочем говорить о нищете духа простых американских привидений. Ну да Бог им судья!

— Я лучше напишу цикл петербургских сказок. В петербургских подвалах с прорванной канализацией никакая нечисть, конечно, не выживет, там и померт, не успев выползти на свет божий, так что обойдусь без излишней жутки.

— А что еще у вас до поры до времени находится под сукном?

— На подходе роман "Гибель богов-2", который должен подвести итог десятилетней работе над циклом о Хеверварде. Хочется наконец сесть и написать "Семь зверей Райлега" — фэнтези нового типа, без эльфов, орков и прочих набивших оскомину персонажей. Продолжается работа и над художественно-документальным романом "Я, Веселав", охватывающим громадный временной промежуток — от Древней Руси до отдаленного будущего. Планов, как всегда, громадье, не хватает только одного — времени, чтобы воплотить их в жизнь.

Елена ЖУРАВЛЕВА

ДОСЬЕ "СМЕНЫ"

Николай Данилович Перумов родился 21 ноября 1963 года в Ленинграде в семье потомственных интеллигентов. Окончил физико-механический факультет Ленинградского политехнического института по специальности "биофизика". В течение десяти лет работал в Ленинградском НИИ особо чистых биопрепараторов. В 1994 году ушел в профессиональные писатели.

Литературной деятельностью начал заниматься еще в школе. Однако первые рассказы так и не увидели свет. Широкая известность пришла к Николаю Перумову только после выхода "Кольца тьмы" — вольного продолжения "Властилина колец" Дж. Р. Р. Толкиена. В последующие годы из-под пера молодого автора вышло еще 19 книг, в том числе циклы "Хроники Хеверварда", "Техномагия", "Летописи разлома" — хорошо известные любителям фантастики.

За 9 лет общий тираж произведений Ника Перумова превысил миллион экземпляров, что является безусловным рекордом для такого жанра, как фантастика.

С 1998 года Николай Перумов живет и работает в Далласе.

Среди последних его работ можно отметить "Армагеддон", написанный в соавторстве с американцем Алланом Коулом, и "Череп на рукаве", только что вышедший в издательстве "Эксмо".